

Х е л л е Х е л л е

Т Р И Н О В Е Л Л Ы

КИНО

Мы давно хотели посмотреть эту американскую киноленту, в которой в главных ролях заняты звезды, где любовь и драма, а завязка сюжета начинается со случайной встречи двух людей в бюро путешествий.

Примерно через четверть часа после начала сеанса неподалеку от нас в первом ряду неожиданно со своего кресла на пол падает женщина. Народ поднимает крик, в зале включают свет и фильм останавливают. Женщина продолжает лежать на полу прямо перед экраном без сознания. Она в пальто, которое непонятно зачем с нее кто-то начинает стаскивать и бить ее по лицу.

Мы сидим в освещенном кинозале и ждем, разумеется, приезда неотложки. С моего места мне видно, как из карманов ее пальто выскальзывают пакетики с мармеладом и лакрицей, которыми, она, вероятно, закупилась по дороге в кино.

Мой приятель заявляет, что людям с тромбфлебитом лучше вообще не посещать кинотеатры. Он учится на ветеринара и готовится к экзамену по патологии, поэтому любит сравнивать людей с животными. Своими короткими ногами и высунутым наружу языком лежащая женщина напоминает ему таксу. Я прошу его успокоиться. Вокруг безжизненно лежащего тела собралось уже как минимум человек сто.

Приятель отправляется за попкорном, он считает, что необходимо с толком использовать возникшую паузу. Я отпиваю немного газировки и ставлю стакан на пол под кресло перед собой.

Неожиданно женщина слегка привстает, и, подняв руки вверх, издает внезапный крик, а затем снова с грохотом рушится на пол. Народ в зале начинает возмущаться, оживленно обсуждая, что с

Новеллы из сборника «Останки»

этим можно поделаться и почему до сих пор не приехала скорая. Молодая пара по соседству спорит о том, следует ли оставить женщину лежать на спине или лучше перевернуть; они расходятся в мнениях.

Хрустя теплым попкорном, возвращается мой приятель, и я рассказываю ему о руке и крике, который издала лежащая женщина. Он отвечает, что ему неохота ею заниматься, он предпочитает лучше иметь дело с животными. Достав книгу из сумки, он

ставит ее на откидывающийся столик стоящего перед ним сидения. Не желая терять ни минуты, он тут же принимается за чтение. Я интересуюсь, как у него получается сосредоточиться на подготовке к экзамену в таких условиях: когда вокруг сотни людей, большая женщина на сцене, не говоря уже о музыкальном сопровождении из кинофильма «Звездные Войны», которое работники кинотеатра запустили, надеясь хоть как-нибудь занять вынужденный перерыв.

Он отвечает, что в любой ситуации студент должен уметь сосредотачиваться и рассказывает мне историю о том, что как-то ему понадобился всего лишь один час для того, чтобы прочесть всю книгу целиком, и одновременно с этим скосить всю траву. Я любопытствовала, какой же вид после этого имел газон, на что он громко засмеялся и посоветовал мне впредь не верить так уж буквально каждому слову.

Группа женщин, явно из какого-то клуба по интересам, проводит голосование на тему стоит ли им потребовать обратно деньги за билеты и вместо кино отправиться в близлежащий парк аттракционов. Победившая сторона дружно покидает кинозал.

Я толкаю под локоть своего приятеля и спрашиваю, а не считает ли он, что может быть нам тоже лучше уйти. Он уверен, что следует еще немного подождать, ведь он так давно хотел посмотреть вместе со мной этот фильм, к тому же в последний раз мы были с ним в кино больше года назад. Он показывает мне рисунок с изображением внутренностей козла, на что я фыркаю, что никогда не видела ничего более гадкого в своей жизни.

В какой-то момент со своих мест поднимается пожилая пара. Оба подходят к женщине на полу и, повесив ее пальто на спинку кресла, наклоняются над ней. Вокруг собирается народ, и тут вдруг неожиданно старичок бьет лежащую наотмашь по лицу. Спутница просит его прекратить.

Из зала им кричат, чтобы они не вмешивались, иначе это до добра не доведет. Ведь скорая уже в пути, нужно только подождать. Да и вообще, пусть убираются восвояси, им здесь не цирк.

Я отвлекаю своего приятеля от чтения, задав ему вопрос, а не кажется ли ему, что здесь произошла какая-то ошибка. Мы ждем уже довольно долго, не пора ли пойти со всем этим разобраться? Он отвечает, что идея в общем-то неплохая, в особенности, если я на обратном пути прихватчу с собой еще пару напитков.

В холле сплошные очереди: в другие залы, в торговые точки, в кассы. Протиснувшись сквозь толпу, я машу рукой молодому человеку, проверяющему входные билеты. Я кричу ему, что в первом зале до сих пор ждут прибытия скорой помощи. В ответ он кричит, что в курсе. Я кричу, что этого не может быть. Он кричит, что нужно еще немного потерпеть.

Я продираюсь через толпу к телефону и прошу звонящего человека прервать свой разговор, пытаюсь объяснить, что у нас экстренная ситуация, что там больная женщина нуждается в помощи. Он возражает, что у него не менее тяжелая ситуация, что вообще все кончено, полный провал, и он по уши в дерьме.

Я становлюсь в очередь перед стойкой бара, покупаю колу для своего приятеля и возвращаюсь в зал.

Отложив книгу в сторону, он теперь сидит и барабанит перед собой пальцами в такт звучащего из динамиков саундтрека к «Звездным войнам». Я протягиваю ему колу и сажусь рядом.

Чтобы хоть как-то убить время, мой приятель предлагает мне поиграть с ним в игру: он задумает спрятанный предмет, а я должна буду угадать, где он находится. Я говорю, что у меня нет сейчас настроения играть в такие игры, на что он отвечает: ах, как жаль, потому что он уже задумал загадать кусочек попкорна, который застрял у меня в волосах, и я бы ни за что на свете не догадалась.

Я принимаю решение отправиться домой. Мне не хочется больше никуда ходить с моим приятелем — ни в какие бары, ни в какие кинотеатры, и я мысленно проигрываю, как я ему об этом сообщу. Разумеется, в ответ он предложит мне пойти выпить пива и все это немедленно обсудить, ведь он с таким нетерпением ждал этот вечер! И тогда я у него спрошу, а знает ли он, каково сейчас мне, а затем скажу ему, что вечер все равно уже провалился. «Провалился, — повторит он, — провалился!» Он будет сидеть и придумывать правильные слова, а я в этот момент просто уйду. В других обстоятельствах я бы выдумала себе оправдание — какую-нибудь болезнь, тошноту или головную боль, — но сейчас этого не пройдет.

И тут я вижу, как женщина под экраном начинает приходить в себя. Облокачиваясь на спинку кресла, она медленно встает. Зрители задних рядов выбегают вперед, пытаясь оказать ей помощь, но она свободной рукой подает им знак, чтобы все оставались на своих местах.

Глядя себе под ноги, она медленно бредет по проходу. Позади нее шагает старичок, неся следом забытое ею пальто. Взяв пальто из его рук, женщина исчезает.

Некоторые в зале возмущенно кричат, предлагая прокатчикам выключить чертову музыку и заняться делом, другие смеются.

Наконец, поднимается занавес и зал взрывается аплодисментами. Я смотрю на своего приятеля: он тоже среди них. Он шепчет мне на ухо, что мне стоит обратить внимание на музыкальную вставку в начале фильма, которая будет совершенно потрясней. Могу только вообразить себе, чего ему подсыпали в колу — и вот теперь это вещество плещется в темном мраке внутри его тела. Я отстраняюсь от него. Приблизительно через полчаса после начала фильма доносится звук, напоминающий сирену скорой помощи.

ОСТАНКИ

Мне позвонил бывший одноклассник Томас, чтобы сообщить о смерти своей жены. Все произошло довольно неожиданно, она даже ничем не болела. Просто однажды, девять недель назад, он проснулся утром и обнаружил рядом с собой ее безжизненное тело. Вскрытие показало, что смерть наступила в результате острой сердечной недостаточности, о существовании которой у нее никто даже не подозревал. Разумеется, Томас был в шоке, от которого он до сих пор не может оправиться, поэтому все происходящее вокруг воспринимает довольно смутно. Пытаясь успокоиться, он обзванивает всех старых друзей, чтобы рассказать о происшедшем. Однако ночи для него теперь тянутся бесконечно долго, он часами лежит на диване в гостиной и не может заснуть. Томас даже не в силах заставить себя перейти на кровать в спальню.

На следующее утро я уже еду к нему. Все паромы на пристани стоят на якоре, задержки с отправлением — дело обычное в октябре. Наконец, я оказываюсь на палубе, и паром отчаливает, но меня тут

же срывает морская болезнь, из-за чего мне приходится оставить заказанный в ресторане завтрак. В машине я стараюсь отвлечься и включаю радио.

К счастью, вся поездка занимает не более часа. Воздух свеж, к тому же на материке нет таких сильных ветров. К горлу подступает тошнота, и я останавливаюсь около аптеки, чтобы купить средство от морской болезни, хотя и запоздало. Я проглатываю полтаблетки; впереди остается каких-то двести километров.

Томас угощает меня кофе с хлебом. Мы сидим на кухне, он благодарит меня за приезд. Я извиняюсь, что приехала с пустыми руками, ведь я понятия не имею, что следует дарить в подобных случаях — для цветов уже вроде как поздно.

Томас закуривает. Я тоже вытаскиваю сигарету и выдыхаю дым в потолок.

Они были женаты всего полтора года. Вообще-то ему никогда не приходила в голову идея о венчании, она также быстро согласилась с его решением не крестить их первенца, когда тот появится на свет. Насколько мне известно, детей им завести так не удалось. Вплоть до ее смерти они все время надеялись на то, что она забеременеет, но у нее так и не вышло. И он был рад тому, что у них не было детей, даже во время своего траура он не скрывал этого, считая, что тогда бы он точно не смог всего этого вынести, не умея толком объяснить, что такого тут нужно было выносить. Ведь после того, как в одно прекрасное утро, повернувшись к жене, ты вдруг обнаруживаешь, что она мертва, — после такого, — что еще в этой жизни можно не вынести? Тут даже собственная смерть покажется чем-то незначительным и будет восприниматься с полным безразличием.

В то утро ее тело было еще теплым. Он много думал об этом тепле, о том, каким образом человеческое тело обладает способностью его сохранять. Не думаю, что данный факт слишком повлиял на его психику, однако он все же об этом стал задумываться. Томас рассуждал о том, можно ли научиться как-нибудь сохранять это тепло для того, чтобы потом выпускать его мелкими дозами в те моменты, когда оно вдруг понадобится. То же самое происходило и с ее запахом, который проникал повсюду, даже в шторы, в которые Томас неожиданно для себя заворачивался и так подолгу стоял перед окном террасы.

В какой-то момент он собрал все это — гардины, ее одежду, — и сложил в стиральную машину, постирал, перегладил и повесил обратно на место.

Кухня быстро наполнялась дымом. Мы открыли окно, затем вскипятили воду для кофе. У меня продолжала кружиться голова. Пройдя в ванную, я присела, зажав голову между колен. От чисто вымытых волос в нос ударил запах хлорки.

Томас говорит, что никогда до ее смерти он не посвящал столько времени уборке квартиры, а теперь он только и делает, что пылесосит ковры, моет окна, протирает мебель. Он говорит, что в нем задним числом включилась какая-то сила, и в какой-то степени он этим обязан именно ей, ведь когда она была еще жива, он даже не знал, в каком углу стоит пылесос. И тут мы оба впервые начинаем смеяться.

У меня все сильнее кружится голова, скорее всего от большой дозы выпитого кофе. Томас предлагает мне прилечь, все-таки длинная была дорога. Я ложусь на диван, Томас приносит одеяло и выходит развесить выстиранное белье, сказав, что ему полезно немного подвигаться. Мне видно из-под штатива как он шевелит губами, что-то про себя напевая. Он роняет полотенце на пол и тут же его подхватывает.

Проснувшись, я вижу, как он ставит на диванный столик стакан воды со льдом и кое-что покрепче. Тебе это сейчас необходимо, — говорит он и берет у меня из рук одеяло. Он садится напротив меня и интересуется моим самочувствием.

Я отвечаю, что у меня до сих пор кружится голова. Он спрашивает, а как вообще у меня дела. Я отвечаю, что все по-старому, рассказываю ему о своей квартире и работе, о том, что дел невпроворот. Томас советует мне быть повнимательней к себе.

Он рассказывает, что за неделю до ее смерти они приобрели чартерную путевку в Тунис, но после ее смерти он решил все-таки не сдавать билеты, видимо, подсознательно желая, чтобы те два места в самолете, предназначенные для них двоих, так и остались незанятыми. Раньше он любил воображать себе картинку, как их самолет вдруг неожиданно начинает падать сразу после взлета и они с ней разбиваются и погибают в одно мгновение. У нее всегда был страх перед полетами, поэтому перед тем, как сесть на самолет, она

обычно принимала таблетки и пила виски. Смерть в самолете была бы для нее самым ужасным исходом, который можно было только предположить, но, даже несмотря на это, он все равно любил об этом иногда пофантазировать.

Томас говорит, что хочет меня обнять. Он ложится рядом на диван и кладет свою руку поверх моей. Он привлекает меня к себе, шепчет мне на ухо о том, как он рад моему приезду. От него пахнет дымом папирос и ветром из гавани, его свитер мягок на ощупь.

Мы идем прогуляться к морю, он предлагает покормить чаек; дома у него залежалась масса еды и хлеба, и всего этого ему одному не съесть. Он вытаскивает из холодильника еду: копченую макрель, ржаной хлеб, молоко. Любишь птичьи яйца? — спрашивает он, выкладывая все на стол. Смеясь, мы выбрасываем продукты в мусорное ведро, оставив только ржаной хлеб, его-то мы и берем с собой, чтобы скормить чайкам.

А не купить ли нам рыбы на ужин? — спрашивает Томас. Сначала наш выбор останавливается на филе камбалы, но тушки оказываются водянистыми и жесткими. Оставив их на кассе, мы покупаем мясо, ржаной хлеб, вино и сигареты.

Я съедаю вторую половинку вчерашней таблетки, надеясь, что это поможет, хотя и понимаю, что гораздо лучше будет, если я просто перестану так много курить. Томас чистит картошку и ставит в духовку мясо.

Расположившись в гостиной, мы пьем вино. На улице темнеет, и мы беседуем о временах года, о том, как дни становятся все короче. Весной Томас планирует перебраться за границу, ему там предложили работу и осталось только дать согласие, ведь здесь его больше ничего не держит. Его жена была родом из этих мест и всегда мечтала сюда вернуться; он не возражал, хотел попробовать хоть где-то осесть, потому что где бы он ни жил, везде испытывал тревогу. Теперь он снова стал тревожиться, вот поэтому и решил выставить дом на продажу.

Он заводит меня в спальню и показывает ее одежду, которая до сих пор висит на вешалках в шкафу. Вытащив одно из платьев, он говорит, что мне оно к лицу, к тому же все равно ближе к осени он будет избавляться от всех этих вещей. По всему видно, что у нее был хороший вкус: все вещи подобраны в одной цветовой гамме, в основ-

ном темно-синих и защитных оттенков. Я ощупываю ткани и вытаскиваю из шкафа вешалки.

Из кухни доносится запах подгоревшего мяса.

Есть мне не хочется, я могу только курить, у меня желание выкурить еще одну сигарету перед тем, как Томас примется за еду. Ничего страшного, — заверяет он меня, он и сам собирается закурить. Томас курит и ест одновременно; посмеиваясь сам над собой, говорит, что хоть это и свинство, но пусть уж будет так. Затем он отправляется за десертом. Нужно все съесть непременно сегодня, — говорит он. Она приготовила мороженое еще летом, тогда на улице стояла ужасная жара, но непонятно по какой причине они о нем совершенно позабыли.

Это клубничное мороженое с корицей; он выкладывает шарики мне на тарелку теплой ложкой. В горло ничего не лезет, и я выпиваю еще немного вина.

Даже в темноте видно, что небо покрыто толстым слоем низко висящих облаков, которые набегают друг на друга и с огромной скоростью проносятся мимо. Ветер подталкивает меня в спину. Я одалживаю пару резиновых сапог, и вот мы уже идем мимо фермерских полей, держась за руки, и размыкаем их только выйдя на дорогу. Томас говорит, что у него проснулось особое чувство к этим пейзажам с их вереском, дюнами и пришвартованными в порту паромами. Спустившись вниз, мы глядим на воду. Киоск закрыт. Мы пытаемся угадать, где прячутся по ночам чайки. Весь обратный путь домой мы продельваем молча.

Томас говорит о том, что ему иногда приходит в голову обратиться к религии, однако он считает, что это как раз один из тех предметов, которые человек не может решить для себя самостоятельно. Хотя в некоторых случаях религия безусловно может помочь, но вряд ли получится просто взять и стать верующим по собственному желанию. Ведь сначала должна прийти вера, а только потом уже человек решает, принимать ее или нет.

Мы открываем еще одну бутылку вина и распиваем, сидя каждый в своем углу на диване. Томас ставит на пол свой бокал.

Он говорит, что из-за страха просыпаться ему стало трудно засыпать. Каждую ночь, ворочаясь с бока на бок, он часами лежит на диване, уставившись в телевизор. Иногда он встает, чтобы выпить

пива и успокоиться, но это кратковременная мера, которая надолго не срабатывает.

Я поднимаю бокал и, осушив его, говорю Томасу о том, что сейчас нам предстоит еще одна кратковременная мера. Он кивает и подливает себе еще вина. Затем он медленно меня раздевает и привлекает к себе на диван. Его тело дышит теплом, возможно, мне только так кажется. Закрыв глаза, он пробегает руками по моим плечам. В темноте оконного стекла виднеется развешенная для сушки одежда.

Наутро меня душит приступ громкой рвоты. Подойдя ко мне, Томас протягивает полотенце и предлагает принять ванну, чтобы освежиться.

Стоя под душем, я слышу раздающиеся из кухни звуки радио. Горячая вода обжигает тело и приходится попеременно чередовать ее с холодной. Я вытираюсь полотенцем и намазываюсь найденным в шкафчике кремом.

Обернув полотенце вокруг себя, я направляюсь в гостиную за своей косметичкой и зубной пастой. Он уже аккуратно сложил мою одежду на стул, дверь террасы распахнута, и запах сигаретного дыма почти исчез.

Он подходит ко мне пока я еще стою раздетая. Улыбаясь, он смотрит на меня заспанными глазами, дотрагивается до моей груди. Он говорит, что этого больше никогда не повторится, и я отвечаю, что знаю. Он говорит, что не считает, что это была ошибка, просто все случилось слишком рано. Или слишком поздно, — отвечаю я, и он кивает.

Мы выходим из дома, и я сажусь в машину. Он говорит мне, что надеется, что сегодня паром не будет так сильно качать. Я отвечаю ему, что на этот раз я приняла таблетку заранее. Это ты правильно сделала, отвечает он, протягивая мне руку через окно. Я держу ее в своей, затем, отпустив, отъезжаю. Мои волосы даже не успели высохнуть.

НИЧЕГО НОВОГО

Я узнала ее со спины: маленькая женщина со своей неизменной прической, в желтом платье с ремешком и стоптанных туфлях. Она наклоняется над прилавком, заказывает какао, покупает еженедельник, продавец с улыбкой возвращает ей сдачу. Сложив покупки в сумку, она оборачивается.

Я подхожу.

— Джейн, — окликаю я ее.

Хотя мы не виделись более девяти лет, она тотчас меня узнает. Когда-то я встречалась с ее сыном, бывая каждый день у них в доме. Она ставит на пол сумку и обнимает меня, и мне почему-то кажется, что она стала ниже ростом.

— Ты совсем не изменилась, хотя вроде бы как похудела, — говорит она, слегка отстраняясь, и начинает меня разглядывать.

— То, что произошло с твоими родителями — это просто ужасно!

— Да, нехорошо все получилось.

Она расспрашивает меня про мою жизнь, интересуясь, закончила ли я учебу, устроилась ли работать, вышла ли замуж. На все ее вопросы я отвечаю односложно, рассказываю о том, что четыре года назад вышла замуж, но затем развелась. Что касается работы, то именно по этой причине я сейчас в городе, и после обеда мне предстоит собеседование в моей старой школе.

— Ты непременно получишь эту работу, — уверяет она меня. — Значит, все-таки переезжаешь?

— Сначала нужно чтобы приняли, — отвечаю я. — Хотя вполне возможно, что жить останусь на прежнем месте.

— Думаю, тяжеловато будет каждый день ездить в такую даль, — говорит она.

Она мне сообщает, что Серен сейчас живет с ней. Проработав несколько лет за границей, он все-таки вернулся, решив устроить себе небольшой отпуск, а заодно и подыскать подходящее жилье.

— Но уж точно не в нашем городе, — добавляет она. — Я ведь хорошо понимаю, что вы оба не хотите жить в том месте, где все это произошло.

В тот же вечер Джейн приглашает меня на ужин.

— Ты ведь помнишь, где мы живем, — говорит она. — Я уверена, Серен будет ужасно рад тебя видеть. Когда же вы с ним виделись в последний раз?

— Довольно давно, — отвечаю я.

— В общем, приходи, когда надумаешь, — говорит Джейн. — Желаю удачного собеседования!

— Нам нужен преподаватель датского и немецкого, — сообщает мне директор школы. На вид он совершенно не постарел, хотя, вполне вероятно, что мне это только кажется, ведь даже в те давние времена

я его уже считала глубоким стариком. На нем, как и прежде, габардиновые брюки со связкой ключей на ремне.

— Посмотри, какая у нас тут реконструкция, — говорит он мне, заведя руки за спину. Все полы в школе теперь покрыты линолеумом, а вместо одиноких построек, ранее служивших классными комнатами, на месте бывшего футбольного поля возвышается длинное бетонное здание.

— А где теперь играют в мяч? — интересуюсь я.

— Мы построили, наконец, актовый зал, — отвечает он, глядя прямо на меня.

— Не скрою, очень рад тебя видеть, — добавляет он. — У нас тут в учительской иногда заходил разговор о тебе, особенно после того несчастного случая с твоими родителями.

— Вот как, — говорю я.

— Это ведь произошло года два назад?

— Нет, в сентябре будет уже четыре, — отвечаю я.

— Какая трагедия! — произносит он.

Мы возвращаемся в садик при директорском доме; его супруга сидит в кресле-качалке, разгадывая кроссворд. При нашем появлении она встает.

— Добро пожаловать, Сюзанна, — говорит она. Уверяю тебя, мы были очень рады получить твоё заявление. Для нас большая новость, что ты решила стать учительницей.

— А я вот взяла и все-таки стала, — отвечаю я.

— Ты ведь уже вышла замуж, родила детей и все такое прочее? — спрашивает она.

— Нет, с этим пока подождет, — отвечаю я и беру из ее рук клубнику, которую она для меня специально собрала.

— Уже последняя в этом году, — говорит она. — Мы ели клубнику со сливками всю неделю без перерыва. На ужин останешься?

— Благодарю за приглашение, но сегодня не смогу, — отвечаю я.

— Ответ сообщим завтра, — говорит инспектор. — Тебе лучше по телефону?

— Могу и сама зайти, я сегодня ночую в городе, — отвечаю я.

— Приходи завтра после обеда, — говорит инспектор и протягивает мне руку.

— И можешь спать спокойно, проблем не будет.

— Это хорошо, — говорю я, затворяя за собой калитку.

Я покупаю мороженое и сажусь на тротуар. Мороженое имеет вкус просроченного продукта и хрустит на зубах кристаллами льда, поэтому я выбрасываю его в мусорник и закурываю вместо того, чтобы есть. В этом городе я курю в первый раз; когда вдруг на улице появляется пожилая пара, я автоматически прикрываю рукой сигарету.

На скамье лежит местная газета, я пробегаю глазами колонку сообщений о смертях и свадьбах. Одна из моих одноклассниц вышла за замуж за какого-то незнакомого мне человека и поселилась с ним в нашем старом родительском доме. На фото они оба стоят перед входной дверью, держась за руки, и мне бросается в глаза, что наша латунная дверная табличка заменена на новую.

Я паркуюсь на противоположной стороне дороги, но так и остаюсь сидеть в машине. Дверь гаража распахнута настежь, внутри пусто, вероятно, они оба на работе. На окне между двумя цветочными горшками сидит собака и смотрит на проходящих мимо ребятишек. Те останавливаются у окна и дразнят ее, а затем, собрав мелкие камешки, бросаются ими в окно. Собака тычет мордой в раму и лязгает зубами, снуя туда-сюда промеж горшков. Со смехом дети идут дальше, один из них швыряет в другого портфелем.

Я так и остаюсь сидеть на месте, ожидая, пока хозяева вернутся домой. Едва завидев их машину, собака выпрыгивает из окна на улицу. Трогаясь с места, я продолжаю наблюдать, как они паркуют в гараже машину и выходят на улицу, держа в руках пластиковые пакеты с покупками.

Джейн собирается пожарить утку. Она выходит мне навстречу, захватив с собой бутылку красного вина и сковородку, которую затем ставит на плиту.

— Мне почему-то вдруг захотелось приготовить зимние блюда в июле, — говорит она. — Я ведь не забыла, что ты любишь, к тому же ты сейчас совсем худенькая.

— Это не страшно, — отвечаю я и пытаюсь утолить жажду большим глотком красного вина.

— Сюзанна пришла, — кричит она в сад, высовываясь из окна.

Серен появляется на лужайке в коротких брюках и с обнаженным торсом. С улыбкой на лице он отбрасывает мяч и заходит на кухню.

Его тело до сих пор пахнет теплым песком; мы обнимаемся. Джейн стоит позади нас и шинкует красную капусту, ее руки окра-

шиваются в лиловый цвет. Серен предлагает мне пойти в сад и там выпить чего-нибудь холодненького — яблочного сидра или белого вина со льдом. Но я уже распробовала красное вино и хочу захватить с собой бокал.

— Забирай всю бутылку, — говорит Джейн. — И можешь разложить свои вещи в комнате. Я рассчитываю на то, что ты останешься у нас ночевать.

— Ничего не имею против, — отвечаю я ей.

— Вот и хорошо, — говорит Джейн. — Через час будем обедать.

— Я прочитал об этом в газете, — сообщает Серен. Мы с ним сидим на террасе, между нами — откупоренная бутылка вина.

— Вот как, — говорю я.

— Наверное, для тебя все это было ужасным ударом.

— Мне и в самом деле было не очень хорошо.

— Я подумывал было тебе позвонить, но не был уверен, насколько это удобно.

— Уже неважно.

— Я ведь даже не знал, где ты живешь.

— В то время я жила неподалеку от самой границы, мой муж получил там работу.

— Мама рассказывала, что ты вышла замуж.

— Я развелась два года назад.

— А теперь ты здесь.

— И твоя мама жарит утку.

— Выпей еще вина, — говорит он, наполняя мой бокал.

Джейн появляется в столовой, где мы раньше сидели только по праздникам. Стол накрыт скатертью и свечи горят в подсвечниках. Утка с хрустящей корочкой лежит на спине с бумажным флажком в грудке.

— Я так и не спросила у тебя, как прошло собеседование, — говорит Джейн.

— Не было никакого собеседования, — отвечаю я, потягиваясь к блюду с картофелем.

— Значит, ты уже получила работу, — говорит Серен, поднимая свой бокал.

— Ну, разумеется, — говорит Джейн.

— Не правда ли, немного чудно, что ты будешь преподавать детям своих бывших одноклассников? — спрашивает меня Серен.

— Ты будешь их самой любимой учительницей, — заверяет меня Джейн.

— Не думаю, чтобы они меня приняли на работу, — отвечаю я. — У меня не слишком большой опыт, да и к тому же им нужен преподаватель по математике.

— Ты всегда была сильна в математике, — говорит Серен.

— Это уж точно, — вторит ему Джейн.

— Вот через несколько недель переедешь снова сюда, — говорит Серен.

— Спасибо вам обоим за приглашение.

Мы чокаемся и начинаем есть, Джейн носится туда и обратно, то и дело подкладывая нам добавку картофеля с теплым соусом.

После обеда я достаю из сумки сигареты. Я прикуриваю от свечи и отмахиваюсь от кружащих над столом клубов дыма.

— Мне понятно, почему Сюзанна начала курить, — говорит Джейн.

— Правда? — спрашивает Серен.

— Да, вполне. Я сама была на грани этого после того, как умер твой отец.

— Ты никогда мне об этом не говорила.

— А тебе и необязательно все знать.

— Он умер от закупорки вен, не так ли? — спрашиваю я.

— Да, — отвечает Джейн. — Это у них наследственное.

— Я об этом даже не знал, — говорит Серен.

— Но ты ведь помнишь, как он умер, — говорит Джейн.

— Да, но я не знал, что все настолько ужасно, — сокрушается Серен.

— Тебе нечего бояться, ты ведь ведешь здоровый образ жизни, — уверяет его Джейн.

— Но все же я ем много сладостей, — возражает Серен.

— И Сюзанна тоже скоро начнет, — говорит Джейн.

— Я вместо этого курю, — отвечаю я.

— Лучше бы уж ела, — вздыхает Серен.

Мы сидим на диване и пьем кофе. Серен кладет свою руку на спинку дивана позади меня.

— Ты нашел себе девушку, Серен? — спрашиваю я.

— Пока еще нет, — отвечает Джейн. — Он такой привередливый.

— По крайней мере, я узнал о том, что они не растут на деревьях. Как только находишь подходящую, оказывается, что она уже занята.

— Слышу тут что-то новенькое, — говорит Джейн.

— Давайте вместе послушаем, — предлагаю я.

— Да нечего особо рассказывать, — говорит Серен.

— Она была замужем? — спрашивает Джейн.

— Да, замужем, и у них был ребенок, если уж тебе так обязательно нужно знать, — отвечает Серен.

— Это непорядок, — говорит Джейн. — Лучше подальше держаться от замужних женщин.

— Хорошо хоть, что я в разводе, — говорю я, бросая взгляд на руку Серена, вытянутую за моей спиной.

Они оба смеются. Я наклоняюсь и делаю глоток кофе.

— Ты была в белом? — спрашивает Джейн.

— Полный набор, — отвечаю я.

— Органная музыка, танец невесты и так далее? — спрашивает Серен.

Я утвердительно качаю головой.

— Твои родители успели попасть на свадьбу? — спрашивает Джейн.

— Погуляли по полной программе, — отвечаю я. — Это уже на обратном пути они заехали не туда.

— Ужас какой, — вздыхает Джейн.

— А я даже и не знал, — говорит Серен.

— Тебе, наверное, было очень плохо, — говорит Джейн. — Хорошо, что ты была замужем.

— Да, здорово, — поддакивает Серен.

— Возможно, — говорю я.

— Он был хорошим человеком? — спрашивает Джейн.

— Просто замечательным, — отвечаю я.

— Но вы ведь развелись, — говорит Серен.

— У нас было плохое начало.

— Понимаю, — качает головой Джейн.

Она поднимается со стула и предлагает мне и Серену пойти прогуляться, пока она будет мыть посуду, уверяя нас, что предпочитает это делать в одиночестве.

— Я ведь лучше знаю, где у меня тут все стоит.

— Лучше бы мы с тобой здесь оказались десять лет тому назад, — говорит Серен.

Мы прогуливаемся вокруг церкви и возвращаемся обратно по дорожке вдоль озер, ступая по пышно разросшейся траве, источающей запах персикового сиропа.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я.

— Я имею в виду, что сейчас все точно так же, как и прежде, разве ты видишь какую-нибудь разницу?

— Нет, кроме того, что мы оба стали на десять лет старше.

— Ты всегда была моей самой большой любовью.

— Неужели?

— Да, правда. И вот теперь ты идешь рядом со мной. Ты была у моей мамы на обеде. И теперь ты хочешь меня поцеловать.

— Откуда тебе известно?

— Разве я не прав?

— Возможно.

— Так сделай же это, — говорит он мне и останавливается.

Я никогда раньше не имела понятия о том, рот другого человека так легко можно вспомнить, но тот момент я ощутила его форму именно так, как нужно, он ничуть не увеличился и уменьшился.

— От тебя пахнет сигаретами, — говорит он.

— Это потому что я курила.

— Ты должна попробовать бросить.

— Это будет сложно после стольких лет.

— Ты ведь не курила, когда мы были вместе.

— Курила, пока ты не видел.

— Ты курила в моем отсутствии?

— Как паровоз.

— Не верю, я бы заметил.

— Ну не все ли равно?

— Ты права. Но в любом случае ты должна попробовать бросить.

— Пойдем обратно, — говорю я ему.

Джейн ходит по дому в ночной рубашке и поливает домашние цветы.

— Совсем немножко перед тем, как уснут, — говорит она. — Я постелила вам наверху, у Серена в комнате. Как будете ложиться — разберетесь там сами между собой.

— Мы ляжем в одну кровать, — говорит Серен.

— Сами решайте, — говорит Джейн. — Ну, спокойной ночи, если идете спать.

— Уже идем, — говорю я, поднимаясь по ступеням.

— Спасибо за обед и за весь сегодняшний день.

— Это уж точно, обед мне удался, — подмигивает мне Джейн.

— Можешь одолжить мне футболку вместо ночной рубашки? — спрашиваю я Серена.

Мы стоим в комнате наверху и пытаемся засунуть одеяло в пододеяльник.

— Разумеется, — говорит Серен, стаскивая с себя футболку. Следом он снимает брюки и трусы, кладя их рядом.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Раздеваюсь.

— Я вижу.

— Иди сюда и ложись рядом со мной.

— Чего еще, мне совсем не хочется.

— А придется. Ты так классно выглядишь, — говорит он и тянется ко мне.

— Серен, — говорю я, удерживая его руки. — Можешь кое-что для меня сделать?

— Только скажи.

— Одна из моих одноклассниц переехала в мой старый родительский дом вместе со своим мужем. У них есть собака, пудель. Когда они уезжают на работу, он садится на подоконник и его дразнят проходящие мимо дети. Они швыряют камни в оконные рамы, просто безумие какое-то.

— А что собственно от меня требуется?

— Ты должен пойти к ним и сказать, чтобы не разрешали собаке сидеть на подоконнике.

— Ты серьезно?

— Вполне.

— Ну что же, пойду сделаю.

— Ты должен мне это пообещать.

— Обещаю.

— Спасибо.

Он свешивается с кровати и хлопает по животу ладонями.

- Не думаю, что у меня сегодня получится, — говорит он.
 - Это неважно, — отвечаю я. — Мне тоже не хочется.
 - Тебе не хочется?
 - Нет. Я не хочу ложиться с тобой в одну постель.
 - Зачем же ты меня тогда поцеловала?
 - Чтобы посмотреть, как это будет.
 - Ну и как?
 - То же, что и раньше.
 - И теперь ты больше ничего не хочешь?
 - Нет.
 - Ты не хочешь быть со мной?
 - Нет.
 - И ты не хочешь устраиваться на эту работу?
 - Нет, я не хочу устраиваться на эту работу.
 - И если я сейчас усну, то после того, как проснусь, тебя уже не будет рядом?
 - Не будет.
 - Иди сюда.
- Он тянет меня к себе на постель.
- Тогда уж лучше совсем не ложиться.

Когда он засыпает, я поднимаюсь с кровати и, взяв с пола сумку, выхожу из дома. Уже светает, и я наблюдаю, как почтальон лавирует между проезжающими машинами. Он протягивает мне газету и разворачивает обратно свой велосипед, я пробегаю глазами заголовки статей. Ничего нового. Слышится пение птиц, по небу плывут белые облака. Я складываю газету в трубочку и кладу ее под дверь.

Мне нужно домой, но я все же решаю еще раз проехать мимо школы. Припарковавшись во дворе, я остаюсь в машине и в ожидании звонка выкуриваю пару сигарет. И тут меня вдруг осеняет, что сейчас ведь летние каникулы. Тогда я выхожу из машины и направляюсь к дому инспектора оставить сообщение.

Перевод с датского Натальи КЛАРК